

Глава 6

Он не закончил фразу, но Му Чэньсюэ сразу понял, чего тот опасается, и сказал ему:

— Твой слуга вдохнул совсем немного. Когда отойдёте подальше отсюда, яд сам рассеется.

Но он-то вдохнул много.

— Противоядие...

— Противоядие, — этот человек словно размышлял вслух, сделал паузу и лишь затем сказал: — На приготовление противоядия нужно время. Даже если прямо сейчас, не покладая рук, собрать все нужные ингредиенты по рецепту, к тому времени, как его изготовят, будет уже поздно.

Так почему же не сказал раньше?

Там ещё говорил про донесение властям или недонесение...

Дождался, пока он отошлёт Улина, перевяжет рану, и когда уже всё кончено, только тогда сказал...

— Ты...

Дыхание его становилось всё тяжелее, он чувствовал, что яд уже сдавил ему горло, и он не мог вымолвить ни слова.

Всё.

Неужели яд уже подействовал?

Он столько лет осторожно обходил стороной оригинальный роман, уже почти дотянул до поздних сюжетных арок, и что же — погибнуть на полпути из-за нелепого отравления...?

Какая несправедливая смерть...

А как же матушка?

А как же Резиденция Цанвана, а как же кулинарная книга, которую он с таким трудом составил и спрятал под подушкой в своей спальне, а как же Улин, который, поднявшись наверх

и увидев его мёртвым, заподозрит Му Чэньсюэ...

Он...

Кто-то вдруг приподнял его подбородок.

Ледяные пальцы коснулись его нижней челюсти, прошли по коже возле губ, внезапный холод заставил его вздрогнуть.

Он пришёл в себя, и тысячи мыслей вмиг исчезли, он ничего не успел подумать, ничего не успел разглядеть.

Тот человек наклонился, губы его легко коснулись уголка его рта, и словно во сне прозвучало едва слышно:

— Есть и второй способ. Яд взят из моего тела, противоядие...

Подушечка пальца мягко скользнула по его щеке.

— ...тоже можно взять из моего тела.

«Тогда я подумаю о предсмертных словах...»

Шэнь Чии ещё не успел обдумать смысл этих слов.

Подушечка пальца того человека медленно двинулась, словно заменяя глаза, «осматривая» его лицо, блуждая по щекам и губам, а затем внезапно остановилась.

Кончики пальцев резко надавили, крепко сжимая его подбородок.

Губы, замершие возле его губ, на миг замешкались и наконец разомкнули его уста.

Всё тело Шэнь Чии оцепенело.

Так тот человек без слов объяснил ему смысл только что сказанного.

Но, похоже, этот человек и сам впервые целовался с кем-то: на миг растерявшись, он принялся медленно и обстоятельно исследовать.

Хотя прежнего внезапного штурма уже не было, Шэнь Чии, обессиленный и обездвиженный ядом, был подобен рыбе на разделочной доске, и эти постепенные пробы и поиски были очень похожи на неторопливое и умелое заигрывание.

Щёки его вспыхнули, словно в кипяток окунули, лицо, скрытое лунным светом, покраснело до невозможности, даже за ушами не осталось места, не тронутого румянцем.

Он вынужден был искать возможность заговорить в редкие мгновения, когда мог перевести дух.

— Господин Му, господин Му...

Едва слова сорвались с губ, Шэнь Чии заметил, что к нему действительно вернулись некоторые силы.

Это лишний раз доказывало, что Му Чэньсюэ не обманывал его.

Но.

Это... это самое...

Хотя он и питал симпатию к господину Му... но...

Шэнь Чии в панике дёрнулся.

Мужчина удерживал его.

— Ты отравился слишком сильно. Одного этого недостаточно, это лишь немногим лучше, чем ничего. Яд ещё не выведен, не двигайся.

Те же самые слова, но словно лишённые оболочки учтивости, голос был низким и тяжёлым, полным мрака.

Шэнь Чии не нарочно дёргался.

Он же не дурак, который ради сохранения лица готов жизнью рискнуть.

Просто...

Что значит «одного этого лишь немногим лучше, чем ничего»?

Неужели только «тучи и дожди над Ушань»* будут достаточны...?!

Они с Му Чэньсюэ были всего лишь друзьями, отношения не установлены, свадебные дары не посланы, с родителями не встретились, середь бела дня... о, нет, не совсем середь бела дня, в общем... в общем, ему что же, ради спасения от яда придётся воспользоваться человеком?

Он ведь явился спасать красавицу, а теперь сам оказался в неловком положении, словно загнанный зверь, которого красавица заперла в клетке и разглядывала.

— Погоди, — грудь его всё ещё сильно сдавливало, слова выходили слабыми и хрипыми, — подожди меня немного...

Му Чэньсюэ стоял спиной к окну, лунный свет не освещал лица мужчины, и Шэнь Чии не мог видеть, какое выражение было у этого благородного господина, подобного ясной луне, в такой момент.

Он слышал только, что дыхание собеседника было не таким ровным, как обычно.

Но и сам он был не лучше.

Он ужасно волновался, боялся задеть раненую руку мужчины, ёрзал в его объятиях, растерянно и осторожно стаскивая с пояса ароматический мешочек.

Этот мешочек был не просто украшением.

Внутри были не только благовония и лекарства, но и зашит документ, скреплённый печатью Резиденции Цанвана и государственной печатью области Цанчжоу.

Великая Синская империя строго контролировала передвижение между областями и управами. Он был наследником князя Цанвана, но младшие чиновники редко имели возможность его видеть. Если бы он, находясь один вне дома, столкнулся с какими-нибудь неприятностями, объяснить было бы трудно, поэтому он носил с собой этот документ на всякий случай.

Эта бумага была удостоверением его личности.

До этого момента он не говорил Му Чэньсюэ о своём происхождении, и на то были свои причины.

Он был посмертным сыном прежнего князя Цанвана, и по праву должен был унаследовать титул при рождении, но княжеская палата тянула время под предлогом того, что он ещё не достиг совершеннолетия, и императорский указ о даровании титула до сих пор не был издан.

Он девятнадцать лет носил титул наследного принца, но на самом деле в Резиденции Цанвана не было самого князя, что ясно показывало, насколько двусмысленно относился к его княжеству государь во дворце.

Очень может быть, что он только и ждал, когда Шэнь Чии сделает неверный шаг, чтобы отобрать этот удельный княжеский титул.

Они с Му Чэньсюэ были случайными знакомыми, а чужая душа — потёмки, он не мог рисковать безопасностью всей Резиденции Цанвана, поэтому при первой встрече не назвал своего настоящего имени — ведь наследный принц Цанвана официально всё ещё лечился от болезни, и если бы кто-то узнал о его пребывании в Яньчжоу и донёс во дворец, это было бы преступлением, равным обману государя.

Он думал, что всё будет постепенно.

А в мгновение ока всё обернулось так, что сейчас было совсем не время говорить об этом.

Среди знати Синской империи было много тех, кто увлекался мужской красотой, но большинство относилось к этому как к забаве. Если объяснить всё неясно, чего доброго, господин Му тоже примет его за такого распутника...

В спешке Шэнь Чии мог придумать только одно — использовать этот мешочек, чтобы объяснить свои намерения.

Содержимое мешочка не только подтверждало его личность, но и позволяло распоряжаться имуществом Резиденции Цанвана.

Он не мог сейчас из ниоткуда взять десять миль красного приданого и тысячи золотых, чтобы посвататься и сделать предложение, но эта вещь могла сойти за выкуп за невесту.

Он сказал:

— Дарю тебе...

Обычно ловкие руки, способные держать меч, сейчас, под действием яда, едва удерживали мешочек, пальцы мелко дрожали, шнурок никак не завязывался, и он потратил немало сил, чтобы кое-как привязать мешочек к поясу мужчины.

Мешочек оказался рядом с маленьким парчовым кошельком, который Му Чэньсюэ никогда не снимал.

Он разжал руки, мешочек повис, издав лёгкий звук удара о ткань.

— ...Можно?

— спросил он.

Если нельзя...

Если нельзя, ему оставалось только умереть.

Ах.

Шэнь Чии снова почувствовал, что дышать стало трудно.

От того, что он только слегка и беспорядочно пошевелился, действие яда усилилось.

Но Му Чэньсюэ не отвечал ему.

Шэнь Чии опустил голову, слегка потянул мужчину за полу одежды и тихим, мягким голосом спросил:

— Я дарю тебе это... ты можешь помочь мне вывести яд?

Му Чэньсюэ опустил глаза.

В его глаза, куда не проникал лунный свет, можно было увидеть лишь крошечную тьму, в которой таились все мысли.

Ещё до того, как Шэнь Чии ворвался в дверь, он уже настороженно почувствовал приближение убийцы.

Он не стал сразу устранять угрозу. Вместо этого он намеренно позволил убийце шуметь, чтобы привлечь юношу, который теперь лежал у него на плече, и намеренно позволил тому увидеть свой жалкий, но жестокий облик — лишь из невыразимого ожидания...

Ожидания, что юноша, с которым он бок о бок провёл эти несколько месяцев, испугается и ужаснётся, использует всё, что только что узнал, как козырь, чтобы заставить его выдать противоядие, и покажет свою холодную и алчную «истинную сущность».

Вплоть до этого момента.

В мрачной тени лицо его становилось всё темнее, он молча ждал реакции Шэнь Чии, ждал,

когда тот уподобится всем тем, кого он знал прежде.

Старые болезни и свежие раны сплелись в тонкую сеть боли, пронизывающую всё тело, заставляя его сохранять ещё более ясное сознание.

А затем он почувствовал, как юноша повесил ему на пояс что-то, и отчётливо услышал, как тот задал этот бессвязный вопрос.

И в такой момент он всё ещё чинно спросил, можно ли помочь вывести яд.

— Если я скажу «нет», — выражение лица Му Чэньсюэ становилось всё более глубоким и непостижимым, в его словах, казалось, скрывалась какая-то причина, которую он и сам не мог определить.

Может быть, он сдерживал боль, болезнь, старый недуг, или же какую-то мысль, которую было неудобно высказывать вслух.

— ...ты так и не станешь выводить яд?

— Само собой...

Как раз в этот момент ладья повернула, и лунный свет осветил их обоих.

Шэнь Чии увидел, как выражение лица мужчины застыло.

* «Тучи и дожди над Ушань»

— классическая китайская метафора для обозначения полового акта.

<http://bllate.org/book/15473/2059476>